

Митяев Олег

15.02.06

Москва, концертный зал - 15 февр. - с. 4.

КОНЦЕРТ

Он не считает себя поэтом, хотя по крайней мере одно его четверостишие знает наизусть вся страна. Говорит, что не певец, хотя выпускает один альбом за другим. Уверен, что не музыкант, хоть и не мыслит жизни без гитары. Концерты Олега Митяева — не стихи, не песни и не музыка. Скорее, разговор по душам. 18 и 19 февраля популярный бард скажет: "Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались" в Кремлевском дворце, куда он приглашает всех своих друзей.

— Олег, обычно вы говорите, что никогда заранее программу концерта не планируете — как пойдет, так пойдет. В Кремле тоже позволите себе такое?

— Эти концерты будут особенные, значительную часть песен буду петь не я, а другие люди. "Лето — это маленькая жизнь", например, споет группа "Ума2рман", "Письмо от матери" — Тамара Гвердцители, "Самую любимую песню" — Лев Лещенко. Валерия выбрала песню про родильные дома, Сергей Безруков — "В осеннем парке". Андрей Макаревич споет на концерте "Крепитесь, люди, скоро лето"... Поэтому придется составить какую-то программу. Но, как показывает практика, и эта программа все равно будет нарушаться. Сейчас, скажем, выясняется, что Лолита улетает, поэтому просит, чтобы ее поставили в начало... Как сказал один режиссер в фильме "Влюбленный Шекспир": "Я не знаю как, но все сложится очень удачно".

— Кстати, по поводу "Крепитесь, люди, скоро лето", которую вы доверили Макаревичу...

ЛИРИК НЕПРИКАЯННЫЙ

Олег МИТЯЕВ:
"Мой писательский период — это выпивать с друзьями, валяться на диване и ничего не делать"

— Ну если Эльдар Александрович Рязанов успеет со своим "Андерсеном" разобраться, то один куплет споет он.

— Просто я думаю, эта песня сейчас самая актуальная. Лично вас эта долгая и холодная зима еще не достала, не ввела в депрессию?

— Мне просто неудобно перед остальным человечеством, но и зимой, и весной, и летом, и осенью как-то мне всегда хорошо. Видимо, я оптимист. И лирик.

— Но поэты склонны драматизировать события.

— Значит, я не настоящий поэт.

— А какой же?

— Начнем с того, что я вообще не поэт. Просто я никогда не писал стихов — всегда писал песни. Да и то, в общем-то, до сих пор я не выучил нотной грамоты и не разобрался в ямбах и хорях. Поэтому у меня есть надежда, что когда-то я наконец все это осилю и начну писать песни.

— А сейчас вы что пишете?

— Сейчас я только пытаюсь.

— Как в фильме "Москва слезам не верит": подновато начинаете.

— Может быть, из другого фильма: "Я не волшебник, я только учусь".

— Про вас говорят: неженатый, молодой, худой и неприкаянный. Что из этого соответствует действительности?

— Я женатый, конечно. Молодой? Это да. Худой? Хотелось бы еще похудеть маленько.

— А неприкаянный?

— Смотря в какой области. Найти свою тему и успокоиться, писать одно и то же — наверное, это никому не надо. Мне-то уж точно.

— Как истинный бард, вы ходите в походы, поете под гитару у костра? Или вся эта романтика уже в прошлом?

— Почему же, это прекрасно, когда можно путешествовать и общаться с природой. А если это еще дополняется костром и друзьями, то я не знаю, что можно придумать лучше. Сейчас как раз, я надеюсь, когда отшумят эти праздники, у меня в который раз начнется писательский период. А это не значит — сидеть за столом. Это значит — выпивать с друзьями, ни о чем не думать, валяться на диване, сидеть на даче, путешествовать. А потом из этого всего, надеюсь, что-то родится.

— А когда остаетесь один, лучше, чтоб в руках была гитара или книжка?

— Если пишется, лучше гитара. А если не пишется, то, как мне посоветовал когда-то Булат Шалвович Окуджава: "Так бывает — пока читайте". И тогда я с удовольствием читаю. А если не читается, тогда я смотрю кино. А чтобы не писалось, не читалось и не смотрелось кино, такого у меня пока не было.

— Что читается?

— Ой, ну очень разное. А после того, как я понял, что не прочитаю и миллионной доли всех книжек, что для меня было печальным открытием, я читаю абсолютно бессистемно. Сейчас, не отличаясь оригинальностью, уже доскребываю Бориса Акунина. И под впечатлением от всего прочитанного мечтаю все-таки поехать в Японию. И в то же время у меня есть такая плодovitая соседка, как Виктория Токарева. И я всегда в первых рядах читаю все, что выходит из-под ее пера. Кроме того, есть такие вечные книжки, к которым я всегда с удовольствием возвращаюсь. Это и Василий Макарович Шукшин, и Андрей Платонов, и иногда Борхес. В общем, никакой системы.

— Но это когда не пишется. А если...

— А как только гитара говорит "да", я бросаю все дела, если это возможно, и сажусь писать.

— У вас много гитар?

— Много. Но после того, как я рассказал об одной из них, случилась авария — мне в багажник врезался мотоциклист, и эта гитара разбилась вдребезги. Поэтому сейчас я предпочитаю об инструментах не говорить. Тем более что мое умение играть раз в сто дешевле, чем сама гитара.

— Если сравнить ваши гитары с гаремом, у вас есть там любимая "жена"?

— Вот она и есть, многострадалная, —

дорогой испанский инструмент. И все равно, даже после того, как ее склеили, она звучит лучше всех. Была еще одна гитара, с которой я проехал и Южную Африку, и еще уйму стран. Она тоже несколько раз разбивалась, склеивалась и замечательно играла. Но в Непале какой-то ишак добил эту гитару окончательно — у нее не восстановился голос. Но она дорога как память и в таком склеенном состоянии еще служит.

— Иногда, знаете, спрашивают про три вещи на необитаемом острове. В вашем случае, наверное, первая — это гитара. А что еще?

— Не знаю, на самом деле писать можно и без гитары. И петь можно без гитары. Я в общем-то всегда стремился к тому, чтобы все, что у меня есть, было у меня внутри. Я не ношу ни колец, ни часов, ни каких-то украшений. Поэтому я взял бы самое необходимое: огонь... И что-нибудь для существования. А все остальное у меня с собой.

— Поэтому ваши концерты настолько аскетичны? Людям, которые сейчас извлечены всевозможными шоу, хватает одной только вашей гитары?

— Думаю, да. Наоборот, я делаю все, чтобы люди не обращали внимания ни на что, кроме песен. Я даже, знаете, может быть, и одевался бы не в костюм, а в джинсы, но кого-то это раздражает. А когда требуются дополнительные аксессуары, украшающие песню, значит, песня не очень хороша.

— Просто вот уже многие годы приходится слышать о том, что жанр авторской песни умирает.

— Те, кто это говорит, по-своему правы. Потому что той авторской песни, которая была, уже не будет. Когда Виктор Берковский, и Никитины, и примкнувший к ним Дмитрий Сухарев, и Визбор... Это была потрясающая компания, потрясающая атмосфера, укрепленная застоем. Но все это ушло. А с другой стороны, все это бессмертно. Как бессмертны лирика и романтика. Сегодня многие люди ушли в прагматики. Но они зарабатывают, отстраивают и никому не денутся — потянутся к гитарам, позвонят друзьям, и все будет продолжаться.

— Но это все будет-будет, а пока что на виду, на слуху только вы.

— Во-первых, кто-то сказал, что XXI век — это век пиара. Пиар заменил человеку разум. И если чего-то нет в телевизоре, кажется, что этого нет вообще. Грушинский фестиваль со-

бирает людей в 50 раз больше, чем это было в застойные времена. Но так как пока на авторской песне нельзя заработать, так же, как и на высокой поэзии и хорошей литературе, широкие слои и не слышат этого, и в общем-то не нуждаются, к сожалению. Скажем по-другому: то, что у меня собираются полные залы, — это наша беда. Потому что такие залы не собираются, скажем, у Елены Камбуровой. А ведь качество ее публики — оно несколько иное, оно выше. Но с другой стороны, я благодарен тем людям, которые приходят на мои концерты, потому что мы с ними находимся на одном уровне, на одной волне. И я надеюсь, мы будем совершенствоваться.

— Кто-то сказал, что во всех песнях Митяева примерно один и тот же сюжет: сидит одинокий молодой человек на вокзале, или кого-то встречает, или куда-то уезжает. Сюжет новых ваших песен примерно тот же?

— Дело в том, что за последние лет десять я прочитал несколько научных трудов, в том числе две кандидатские диссертации, по моим песням. И мне, конечно, читать это вредно. Потому что я начинаю задумываться, куда класть бороду, когда ложишься спать: на одеяло или под одеяло. И так я совсем перестану спать. Поэтому я стараюсь не задумываться о сюжете. Неважно, через какие слова чувство — радостное или грустное — передается слушателям.

— Но с возрастом ваши песни становятся веселее или грустнее?

— Они у меня никогда не были веселые. Хотя... Сразу вам соврал. Я слушал свои веселые песни, которые были написаны лет 25 назад, и просто краснел. Настолько они были самоуверенны и глупы. Я там так упорно радуюсь или пытаюсь острить. Но слава богу, постепенно я понял, что это у меня не получается. А получают почему-то песни грустные, иногда печальные. В общем-то, произошло открытие. Я понял: для того, чтобы поднять настроение, именно такие песни и нужно слушать.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Юбилейные концерты Олега Митяева состоятся 18, 19 февраля в Государственном Кремлевском дворце. Билеты продаются в кассах Государственного Кремлевского дворца (ул. Воздвиженка, д. 1), а также в городских театральных кассах. Тел.: 995-80-52, 258-00-00.